

Впрочем, Ли Сяньфу и сам понимал, насколько трудно было подгадать идеальный момент: кто бы мог подумать, что спустя всего пару дней после частного приема Су Тао Цинь Цзяюй решит расписаться.

С другой стороны, Гора Юйвэн действительно оказалась чудесным местом.

— Не удалось подгадать к свадьбе — подгадаем к разводу, — невозмутимо произнес Цинь Цзинь. — Отец Ли Тантан случайно оступился и упал с лестницы у себя дома. Он сильно повредил затылок, врачи уже выдали извещение о критическом состоянии.

— Который отец? — уточнил Ли Сяньфу. — Биологический или приемный?

— ...

Цинь Цзинь пристально посмотрел на него. Он впервые слышал, чтобы факт супружеской измены описывали столь изысканно и утонченно.

— Приемный.

Ли Сяньфу задумчиво произнес:

— Как только приемный отец умрет, Ли Тантан и Бай Жо станут законными наследницами. Выходит, Цинь Цзяюй окажется в огромном проигрыше?

У Цинь Цзиня явно был четкий расчет:

— До конца этого месяца она окажется в долгах и лишится своей прежней опоры.

В способностях Цинь Цзиня Ли Сяньфу никогда не сомневался. Раз тот ручался, что лишит Цинь Цзяюй Системы и одновременно обанкротит её, значит, процесс уже вовсю запущен.

— Подожди минутку, — сказал Ли Сяньфу и поднялся вверх. Вернувшись, он протянул Цинь Цзиню лист бумаги.

Цинь Цзинь пробежал текст глазами — там были перечислены какие-то малоизвестные карликовые государства.

— Раз Цинь Цзяюй решила расписаться, возможно, она заготовила запасной план. Нужно быть начеку, чтобы она в ближайшее время не сменила гражданство, — пояснил Ли Сяньфу.

Он указал на несколько названий:

— Эти страны довольно специфичны: их законодательство в отношении совместных долгов супругов отличается от нашего. Если она почувствует неладное и эмигрирует заранее, то уж точно оправдает поговорку о сороконожке, которая не умирает, даже будучи разрезанной на части.

Тогда взыскать имущество будет крайне сложно, к тому же Су Тао готова взять всю ответственность на себя — и чем все закончится, предугадать трудно.

— ... — Цинь Цзинь качнул головой: — Надо же, ты учел даже это.

Он интуитивно чувствовал, что Цинь Цзяюй до подобного не додумалась бы.

Впрочем, такой противник, как Ли Сянфу, был в сто раз опаснее Цинь Цзяюй, ведь никогда нельзя было угадать, какой ответный удар он нанесет в следующий миг.

— Во время отдыха Цинь Цзяюй звала меня в стрелковый клуб. Я хочу съездить туда.

— На эту встречу идти не обязательно, — ответил Цинь Цзинь.

Ли Сянфу качнул головой:

— Я хочу воспользоваться случаем и получить образец, чтобы сделать вам ДНК-тест. С самого начала мы поддались первому впечатлению и решили, что перед нами действительно Цинь Цзяюй. А вдруг это всего лишь выставленная вперед пешка, тогда как сама она кукловодит из-за кулис? Разве мы не потерпим крах в шаге от победы?

— ...

— Индустрия пластической хирургии сейчас настолько развита, что выстроить двойника проще простого. Двойник действует на виду, а случись что — настоящий виновник всегда может сбежать.

— ...Еще во время банкета по случаю обручения мне показалось странным, почему Цинь Цзяюй позволила Шаша потрогать свое лицо, чтобы подтвердить наличие Системы в ее теле. Возможно, как раз для того, чтобы у нас не возникло сомнений в подлинности её личности.

— На самом же деле она могла сделать пластику еще раз и сменить личность на всякий случай.

Сейчас существуют даже реалистичные силиконовые маски — кому вообще в наше время можно верить? Нужно убедиться, что все пути к отступлению перекрыты.

После этих слов надолго воцарилась тишина.

— Поверь мне...

Наконец Цинь Цзинь нарушил молчание, посмотрев на Ли Сянфу с особым, глубоким смыслом:

— Будь у неё хотя бы половина твоего разума, она бы не докатилась до нынешнего плачевного состояния.

От автора:

Цинь Цзинь: У тебя еще не развился комплекс полноценности? Ты даже пакостить толком не умеешь, а все туда же — интриги плетешь.

Цинь Цзяюй: ...

Человека можно переоценить, но никогда нельзя недооценивать.

— «Правила интриг Ли Сянфу».

Хотя эта книга так и не была официально издана, в ней уже сформировалась целостная теория, которую Ли Сянфу каждый вечер прокручивал у себя в голове перед сном.

На следующий день он сам отправил Цинь Цзяюй приглашение: «Разве мы не договаривались

сходить в стрелковый клуб? Зачем откладывать на потом, лучше прямо сегодня».

Когда Цинь Цзяюй получила сообщение, она находилась на полутемном заводе, где отовсюду доносился гул шлифовки камня. Из-за плохой видимости экран телефона казался расплывчатым. Она сняла защитные очки и убедилась, что не ошиблась в прочитанном.

Раньше она всегда проявляла инициативу, а Ли Сяньфу стремился держаться от нее подальше. Теперь же он вопреки обыкновению сам вышел на связь, что не могло не навести на подозрения.

Взвесив все за и против, Цинь Цзяюй не захотела уступать инициативу и решила сделать ход конем, чтобы заставить его отступить: «Придешь со своим "сыном"?»

Ли Сяньфу ответил мгновенно: «Нет, только мы вдвоем».

Не получив ответа, спустя мгновение он прислал голосовое сообщение: «Ты где? Я сам за тобой заеду».

Те, кто сами напрашиваются на встречу, обычно не сулят ничего хорошего. Цинь Цзяюй нахмурилась и, колеблясь между отказом и согласием, в итоге решила поехать и узнать, что же замышляет Ли Сяньфу.

Встречу назначили на три часа дня.

До назначенного времени оставалось еще два часа, и Ли Сяньфу раздумывал, как получить образцы у Цинь Цзяюй. Раньше, когда не удавалось успокоить мысли, он любил играть на цитре или читать, а теперь у него появилось еще одно занятие: кормить Хунчэнь.

Временно захватив территорию тети Чжан, он тушил говядину на медленном огне и ждал с лопаткой в руке.

На стекле рядом отразился чей-то силуэт. Ли Сяньфу обернулся:

— Второй брат?

— Занимайся своими делами, я лишь пришел передать волю отца, — ответил Ли Аньцин.

— ...

Вытяжка шумела, мешая толком расслышать слова, поэтому Ли Сяньфу выключил её, открыл окно и попутно ткнул палочкой в говядину, всем видом показывая готовность внимательно слушать.

— Младший брат, завел бы ты себе роман.

Ли Сяньфу от этих слов не знал, смеяться ему или плакать:

— Это прямая цитата отца?

Ли Аньцин ответил:

— Тысяча слов сводится к этой единственной фразе.

История с тем, как Ли Сяньфу глубокой ночью привел домой девушку молиться Будде,

причинила Старику Ли жуткую головную боль. К нему снова вернулось то ощущение из Храма Синъюнь, когда санскрит напрочь очищает разум от любых мыслей, и он решил, что этот ребенок чересчур погрузился в отрешение от мирских страстей.

Что же касается истории с Сяосяо, то Старик Ли о ней уже почти забыл, считая её скорей ребячеством и глупым баловством.

Палочки легко прошли сквозь волокна мяса. Ли Сянфу выключил огонь, достал говядину и произнес:

— Я серьезно подумаю над этим.

Впрочем, несмотря на слова о «серьезности», его взгляд и движения рук выдавали полную сосредоточенность исключительно на том, как приготовить вкусный обед для Хунчэнь.

Ли Аньцин не стал больше ничего говорить. Выполнив поручение старшего, он не задерживался на кухне.

Около двух часов Ли Сянфу вынес в сад изысканно приготовленное блюдо, терпеливо дождался, пока Хунчэнь доест, и отправился на встречу с Цинь Цзяюй.

.

Из-за чрезвычайно строгих проверок и согласований во всем городе работали всего два стрелковых клуба. Тот, куда он направлялся, находился как минимум через три района от дома. Ехать на собственной машине было слишком хлопотно, поэтому Ли Сянфу просто вызвал такси.

Дорога оказалась свободной, и по прибытии у него оставалось еще пять минут, чтобы спокойно войти внутрь.

Территория клуба была огромной и включала в себя целый лес на заднем дворе, переоборудованный для пейнтбольных сражений.

Пройдя регистрацию и проверку документов, Ли Сянфу в сопровождении сотрудника прошел внутрь. Он догадывался, что Цинь Цзяюй уже прибыла: она всегда любила удерживать инициативу в своих руках, а получив внезапное приглашение, наверняка заподозрила подвох и приехала раньше, чтобы изучить обстановку.

И действительно, в просторной зоне отдыха Ли Сянфу увидел Цинь Цзяюй, которая сидела на круглом табурете, уткнувшись в телефон.

Он жестом отпустил провожатого, и тот понимающе удалился.

Затем Ли Сянфу обошел её сзади. Пол был устлан плотным ворсистым ковром, так что шаги звучали практически бесшумно.

«Тантан, я от всего сердца сопереживаю твоей боли...»

Цинь Цзяюй успела ввести лишь половину текста, как вдруг что-то почувствовала и обернулась. Неожиданно увидав за своей спиной человека, вытягивающего шею, чтобы подсмотреть в её экран, она подскочила как ужаленная, едва не выронив телефон.

— Ого, — не скрывая насмешливого тона, протянул Ли Сянфу. — Оказывается, ты у нас еще и

роковая романтичка.

— Ли Сянфу! — её дыхание все еще оставалось прерывистым, сердце не успело вернуться к нормальному ритму, а в глазах впервые мелькнуло явное раздражение. — Сколько тебе лет?! Думаешь, весело подкрадываться со спины и пугать людей?!

Ли Сянфу открыто рассмеялся и даже похлопал в ладоши:

— Сама трусиха, а винишь других.

От его яркой улыбки повеяло давно забытым духом юности, словно он на мгновение снова вернулся к той дерзкой категоричности своих юных лет.

Досада в душе Цинь Цзяюй странным образом улетучилась, и она не стала дальше пререкаться из-за этого ребяческого поступка.

Она повернулась и пошла к выставочному залу, но, сделав пару шагов, остановилась, дожидаясь, пока Ли Сянфу догонит её.

— Я предпочитаю ходить отдельно, — заметил Ли Сянфу.

— Я тоже, — ответила Цинь Цзяюй. Из-за давешнего испуга она утратила свой обычный загадочно-многозначительный вид и говорила довольно прохладно. — Но от твоего взгляда у меня мурашки по коже.

Она не знала, показалось ли ей, но сегодня пристальный взгляд Ли Сянфу выбивал из колеи сильнее обычного.

<http://bllate.org/book/18300/1757287>